

Б О Р И С К А М О В

**АРКАДИЙ ГАЙДАР
БЕЗ МИФОВ**

Борис Камо́в

Аркадий Гайдар без мифов

«Интермедиатор»

2017

УДК 82894
ББК 84 (2 Рос)

Камов Б.

Аркадий Гайдар без мифов / Б. Камов — «Интермедиатор», 2017

ISBN 978-5-91349-063-6

Борис Николаевич Камов представляет девятую, заключительную книгу о жизни, боевой деятельности и творчестве Аркадия Петровича Гайдара. Автор дает наиболее полное представление о создателе «Школы» и «Тимура», приоткрывает нам внутренний мир этого удивительного человека, описывает его нелегкий путь в литературу. Большое место в книге отведено вопросам педагогики. Показано как система воспитания в семье Голиковых повлияла на педагогику шестнадцатилетнего командира Аркаши Голикова. Вершиной писательско-педагогической работы Гайдара стало создание образа Тимура: организатора, гуманиста, готового на самоотверженный поступок ради другого человека. А счастливая семья изображена в «Голубой чашке». Настоящая книга адресована старшеклассникам, школьным учителям, воспитателям детских учреждений, студентам педвузов, библиотечным работникам и родителям. Но многие эпизоды могут быть интересны детям среднего и начального возраста – если кто-то будет им читать вслух дома, на уроке или после занятий. Такие разделы отмечены в оглавлении «солнышком». Некоторые эпизоды перед чтением нуждаются в коротких пояснениях.

УДК 82894
ББК 84 (2 Рос)

ISBN 978-5-91349-063-6

© Камов Б., 2017

© Интермедиатор, 2017

Содержание

От издателя	7
Предисловие	9
Что же он был за человек – Аркадий Гайдар	11
Детство	13
Важная должность – старший брат	13
Подводный спасатель	15
Мамина школа	16
Первый литературный успех	18
Галкинская «академия»	20
Совет на всю жизнь	21
Одиннадцатилетний мудрец	23
Как стать полковником в семнадцать лет	27
Мамина хитрость	27
Четырнадцатилетний адъютант	29
Два года – за шесть месяцев	31
Сто восемьдесят смертников	32
Отчаянная смелость	33
Смертник, который выжил дважды	34
Тихий, опасный Кавказский фронт	35
Из младших командиров – в полковники	36
В ответе за четыре тысячи бойцов	37
Посещение холерного барака	38
Аркадий Голиков – ученик Наполеона Бонапарта	41
Великий подвиг, который остался неизвестным	42
История тамбовского бунта	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Борис Николаевич Камов

Аркадий Гайдар без мифов

© Оформление. ООО «Издательский дом Недра», 2017

© Агентство электронных изданий «Интермедиатор», 2018

От издателя

Борис Николаевич Камов по основной своей профессии педагог; еще он специалист по журналистским расследованиям, прозаик и литературовед, член Союза писателей Москвы и Союза журналистов РФ, лауреат премии Артема Боровика.

Есть люди, в душах которых рано пробуждается влечение к музыке, рисунку, математике, конструированию техники. У Камова-школьника рано возник интерес к книгам, а впоследствии и к судьбе А.П. Гайдара. Поводом стала короткая заметка в «Комсомольской правде» за 1943 год о гибели создателя «Голубой чашки», «Судьбы барабанщика».

Камов, которому было 12 лет, пообещал самому себе, что обязательно узнает, как все произошло. Но к реализации замысла он сумел приступить только 18 лет спустя.

Как журналист и начинающий биограф Аркадия Гайдара, Камов заявил о себе осенью 1962 года. Он провел тщательное расследование и установил обстоятельства, при которых погиб писатель, что стало большой сенсацией. Его стали приглашать на радио и телевидение, ему заказывали статьи центральные газеты и журналы.

Но Камов считал: «Найденное – лишь начало большой работы». Молодой журналист сумел проследить боевой путь писателя от порога дома в Москве до железнодорожной насыпи на окраине села Леплява под Каневом, где произошла трагедия.

Камов открыл стране Гайдара-героя, находчиво и грамотно действующего в боевой обстановке, бесстрашного и самоотверженного.

На основе свидетельств десятков бывших командиров, бойцов, партизан Союз писателей СССР, военный отдел ЦК КПСС¹, ЦК комсомола, а также издательство «Детская литература» представили Гайдара к званию Героя Советского Союза (посмертно).

То, что присвоение звания не состоялось, было результатом зависти к уже погибшему человеку, продолжением еще предвоенных интриг. К личности самого Гайдара эта неудача никакого отношения не имела.

Между тем уже был готов макет вывески: «Государственное издательство «Детская литература» имени Героя Советского Союза А.П. Гайдара»...

Во многих статьях о Гайдаре, особенно после его гибели, непременно указывалось: пока сверстники будущего писателя продолжали сидеть за школьными столами, Аркадий Голиков успел стать командиром Красной армии. Ему доверяли руководить соединениями, которые насчитывали по несколько тысяч бойцов. Но как выстроилась такая удивительная карьера мальчишки-командира, не знал никто. Камов сорвал покров тайны с этих страниц биографии Голикова.

В книге «Аркадий Гайдар без мифов» названы имена выдающихся военных деятелей Красной армии, которые разглядели в 15-16-летнем подростке дарование крупного военачальника. Старшие товарищи растили недавнего ученика реального училища как будущего полководца в ближайшей, неизбежной войне.

Особое место в книге занимает раздел «Как стать писателем-классиком». Это рассказ о том, как бывший командир полка задался целью в предельно короткие сроки овладеть новой профессией. Спешность диктовалась почти полным отсутствием средств.

В книге показано: лишенный поддержки близких, которые сомневались в его выборе, живя в нищете и постоянном полу голоде, Голиков упрямо постигал основы писательского ремесла. Могучая сила воли, развитая в ранней юности, не позволила ему свернуть с намеченного пути. И Аркадий Голиков опубликовал свою первую повесть.

¹ Его полное название: «Главное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота».

Раздел «Как стать писателем-классиком» может стать наглядным пособием по самовоспитанию для сегодняшних подростков, которые тоже поставили перед собой серьезные цели.

Б.Н. Камов, напомним, по образованию школьный учитель. Естественно, что в книге особое место занимает педагогическая тема. Автор знакомит нас с принципами домашнего воспитания в семье Голиковых, что ценно само по себе. Но Камов показывает и другое: как родительские уроки приходили на помощь Голикову-Гайдару во взрослой его жизни.

Выдающимся педагогом был и сам Аркадий Петрович. Об этом можно судить по заразительной силе его повестей и рассказов, по размаху тимуровского движения, которое активно просуществовало почти полвека не только без помощи взрослых, но часто при их активном сопротивлении.

В книге «Аркадий Гайдар без мифов» писатель предстает перед нами еще в двух качествах:

- воспитателя сына Тимура;
- исследователя и практика, первооткрывателя психофизических механизмов таких явлений, как смелость и трусость.

По мнению Камова, открытие, сделанное Гайдаром на основе опыта, приобретенного на Гражданской войне, должно войти в систему воспитания современных мальчишек и в систему подготовки представителей опасных профессий.

Впервые в разделе «Женщины в судьбе А.П. Гайдара» нам приоткрывается личная жизнь писателя. Читатель знакомится с редчайшим по мудрости «Гайдаровским кодексом семейного счастья».

Без оговорок и смягчающих слов Камов рассказывает, как в последние, самые продуктивные годы жизни, в эпоху Ежова и Берии, Аркадий Петрович подвергался систематическим преследованиям. Их целью было его физическое уничтожение. От ареста и расстрела перед самой войной Гайдара спас И.В. Сталин.

Судьба, пишет Камов, неотступно оберегала Аркадия Петровича Гайдара до рассвета 26 октября 1941 года. А в то утро у нее, вероятно, оказалось слишком много других забот...

Нельзя умолчать о том, что Камов был и остается не только главным биографом Гайдара. Восемнадцать лет, с 1991 по 2009 год, практически в одиночку, он боролся против солоухинщины, противостоял невиданной в истории литературы попытке дискредитировать А.П. Гайдара как личность и как создателя произведений для детей.

Своей предыдущей книгой «Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров. Спецрасследование» Камов, располагая громадной доказательной базой, опроверг бесчисленные лживые обвинения. При тщательной проверке ни одно будто бы «обнаруженное преступление А.П. Голикова» не подтвердилось.

Незапятнанное имя Аркадия Петровича, его литературное и педагогическое наследие вернулись в русло нашей великой национальной культуры.

За книгу «Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров» Б.Н. Камову была присуждена премия Артема Боровика «Честь. Мужество. Мастерство».

Остается добавить: многие читатели знают Бориса Николаевича Камова как детского йоготерапевта, автора книги «Реальность чуда». Записки целителя. Он же является разработчиком «метода Б.Н. Камова по сопроводительному лечению онкологических больных». Пользуется популярностью и оздоровительный «Чай Б.Н. Камова».

Камов оповестил своих читателей, что документальной повестью «Аркадий Гайдар без мифов», девятой на эту тему, он завершает карьеру биографа А.П. Гайдара...

Пожелаем Борису Николаевичу Камову равноценных успехов в других сферах его деятельности.

Предисловие

«Каждый шаг его требовал отваги и огромного напряжения сил»

Мне всегда казалось, что я все люблю, но не все понимаю в прозе Аркадия Гайдара. Такая она вроде бы легкая, светлая, насквозь советская и краснозвездная. Однако любой, самый маленький его рассказ, сказка, любой сценарий – про маленьких детей, про подростков, про взрослых, на любую тему – почему-то всегда детектив. Не в прямом смысле, конечно. Но ощущение, что в этой его «детской» прозе вот-вот готово произойти что-то последнее, окончательное, что изменит жизнь героев навсегда, – оно есть. Оно было (у меня) довольно бессознательным в детстве. Но чем дальше я думал о Гайдаре, о его жизни и о его книгах, тем оно становилось сильнее.

С одной стороны, вот эта легкая, как дыхание, авантюренность его сюжетов, бесконечность приключения – она, конечно, идет от того, что Гайдар так долго оставался в душе своей настоящим ребенком. Воевал, переживал страшнейшие драмы, болел, но все равно оставался ребенком. Может быть, он оставался ребенком потому, что так рано ушел из дома на войну. На настоящую, большую, тяжелую войну.

А с другой стороны, он просто был такой человек – вся его жизнь, в сущности, это один большой детектив, триллер, я бы даже сказал. Где каждый шаг требовал огромной отваги, огромного мужества. И где каждый шаг давался с невероятным напряжением всех человеческих сил.

Именно об этом написана книга Бориса Камова – о том, что разгадка качества этой прозы таится в самой жизни Гайдара, в его характере, в невероятной остроте того, что ему пришлось пережить: где убивали по-настоящему, и любили по-настоящему, и предавали тоже.

Я вот пишу: «жизнь-детектив» – и сам сомневаюсь: так ли? Не детектив, а эпос о великом герое. Да, но ведь и сам детектив, сам этот жанр, родился когда-то именно как новое воплощение древнего эпоса, книги о супергероях.

Камов, великий и непревзойденный биограф Аркадия Гайдара, замечательный писатель и наш современник, рассказывает о том, как это было на самом деле, вот все это – «командовать полком в шестнадцать лет», что за этим стояло, если говорить без прикрас и без мифов. Рассказывает он и о том, как в восемнадцать лет Гайдар отразил страшную атаку красноярских чекистов, хотевших его попросту уничтожить.

И обо всем, что было дальше – о реальной, а не выдуманной позднейшими фантазерами его болезни, о реальных страданиях и реальных преодолениях.

Здесь еще нужно сказать вот что. Нечастой бывает в истории мировой литературы ситуация, когда деду приходится отдуваться за внука. Вся та ненависть и грязь, которые обрушились на «любимого писателя советской детворы» в последние годы – результат фальсификаций некоторых довольно известных людей, которые подняли эту волну в начале 90-х, чтобы опорочить само имя – Гайдар. Чтобы сделать его синонимом самых страшных человеческих грехов. Проиграв страну политически и духовно, эти люди искали любой повод, чтобы ответить последним оружием – клеветой.

Борис Николаевич Камов ответил на все вопросы, касающиеся выдуманных «жестоких репрессий», которые Аркадий Гайдар якобы развернул в далекой Хакасии. Разобрался с каждой деталью, внимательно изучив огромное количество документов.

Но книга, конечно же, не об этом.

Она о том, что сила действия равна силе противодействия. Мир Гайдара – вот тот, что был внутри у него в сердце, в мозгу, в душе – родился в очень тяжелое время. В ужасное время.

В жестокое время. Но ответом этому времени было рождение вот такого тонкого и нежного писательского почерка, который волнует нас до сих пор. И в котором, тем не менее, каждая строка дышит выстрелом и тем событием, которое может изменить вашу жизнь навсегда.

Борис Минаев.

Писатель. Дважды номинант на премию Большая книга

Что же он был за человек – Аркадий Гайдар

Его имя начало обрастать легендами уже в начале его литературного пути. Легенды были связаны не с командирским его прошлым (о котором тогда еще мало кто знал), а с его поступками в повседневной жизни.

В Ленинграде в 1925 году Аркадий Петрович получил гонорар за только что опубликованную повесть «В дни поражений и побед». На Невском проспекте, на остановке возле знаменитого Дома с глобусом Гайдар поднялся на площадку трамвайного вагона. Рядом оказался парнишка-студент со связкой книг подмышкой. По исхудавшему его лицу было видно, что живет он впроголодь и вдобавок сильно нездоров.

Через минуту на площадке раздался крик. Пожилая пассажирка, показывая на Гайдара, заявила:

– Этот человек в шинели только что залез в карман к студенту. Парню, видать, и так жить не на что, а он решил украсть последнее.

Весь вагон возмутился. Вагоновожатый остановил трамвай и свистком подозвал постового милиционера. Пассажиры, которые ехали на площадке, высыпали из вагона.

– Что у вас пропало? – спросил милиционер у студента. – Что этот гражданин у вас похитил?

Студент неуверенно сунул руку в карман своего выдавшего виды пальто. В одном кармане вообще не было ничего. А из другого парнишка вытащил ассигнацию – двадцать пять рублей. По тем временам это была значительная сумма.

– Но у меня таких денег не было! – испуганно заявил студент. – У меня оставалось только пятьдесят копеек! – И он показал мелочь.

Первым рассмеялся постовой милиционер.

– Гражданин студент, товарищ в шинели подложил вам деньги, чтобы вы хорошо учились!

Потом он вдруг посерьезнел, повернулся к Гайдару и взял под козырек:

– Прошу извинить за беспокойство!

Аркадий Петрович пожал ему руку:

– Спасибо за догадливость.

И дальше пошел пешком. Трамвай тронулся. Студент повис на подножке. От пережитого потрясения он забыл сказать спасибо за подарок.

Об этом случае нам, студентам Ленинградского педагогического института имени А.И. Герцена, в 1952 году рассказал друг Гайдара, писатель Борис Александрович Емельянов.

А в Арзамасе в 1964 году я познакомился с пожилым человеком по фамилии Юрлов. В середине 1930-х годов он был последним извозчиком-частником в городе, где не существовало никакого общественного транспорта.

Юрлов рассказал, как Аркадий Петрович приехал на родину в 1935 году и часто нанимал его скромный экипаж, чтобы покатасть чужих детей или вечером с шиком приехать к друзьям в гости. Повозка при этом была нужна Гайдару еще и потому, что в руках невозможно было донести все закупленные кульки и свертки.

Однажды Юрлов пришел к Аркадию Петровичу сам, без вызова. У него стряслось горе. Местное начальство приняло решение закрыть «частный промысел» и установило разорительный налог. Нужной суммы, чтобы заплатить, ни у кого из окружающих не нашлось. Юрлов обратился к Гайдару, обещая все деньги при первой возможности вернуть.

Гайдар без лишних слов дал ту сумму, которую просил извозчик. Ко всеобщему удивлению, через неделю Юрлов пришел опять. Принес долг. Аркадий Петрович пересчитал мятые рубли и даже мелочь. Все сошлось до копейки. Аркадий Петрович сказал:

– Благодарю тебя, Юрлов, за аккуратность в расчетах.

Теперь эти деньги твои. Дарю. Они тебе еще пригодятся.

Вспоминая о подарке, бывший извозчик, широкоплечий богатырь с окладистой белой бородой, заплакал.

– Вы знаете, что за человек был Гайдар? – спросил он меня. – Это был ангел... – Юрлов остановился, подбирая более точное слово. – Это, – повторил он, – был ангел... – и добавил, – народный!

Трудно поверить, но больше всего дарений в своей жизни Аркадий Петрович произвел в дни Отечественной войны – на Юго-Западном фронте и потом в окружении, на оккупированной территории. Но об этом я еще расскажу.

Щедрость и готовность помогать в любых обстоятельствах были основой личности Гайдара, этого ни на кого не похожего и до сих пор не разгаданного человека.

Невиданная доброта, о которой по Москве ходило много рассказов еще до войны, была всего лишь одной чертой натуры Гайдара. А как человек он был многогранен. Вот почему у меня возникло желание проследить:

– Как сложился такой характер?

– Что способствовало его формированию?

Аркадий Петрович стал выдающимся писателем, успев закончить всего четыре класса Арзамасского реального училища.

Еще подростком недавний ученик Арзамасского реального училища за короткий срок стремительно продвинулся в качестве командира Красной армии, хотя военное образование его составляло два кратких курса обучения.

Как мы увидим, Аркадий Петрович Голиков-Гайдар оказался еще и выдающимся педагогом, наследие которого не понято и не оценено до сих пор. Его первое знакомство с учительской профессией состоялось еще в раннем детстве, когда он наблюдал, как работают в сельской школе его родители: отец Петр Исидорович и мать Наталья Аркадьевна. И это определило одно из направлений его духовного развития.

И вот еще один вопрос, который не дает мне покоя: а насколько повторим опыт формирования личности, похожей на Аркадия Петровича Гайдара? Особенно в наши дни, когда современная педагогика вынуждена сдавать многие свои вековые позиции?

Детство

Важная должность – старший брат

Аркадию 22 января 1908 года исполнилось четыре, а его сестренке Наташе-Талочке было всего лишь три года. По случаю семейного праздника детей повели в местную фотографию. Аркаша держал в руках главный, только что полученный подарок – кожаный кошелек, в котором лежал настоящий пятак. До революции 1917 года монета считалась значительной. Взрослый человек за пять копеек мог в трактире плотно пообедать. А ребенок получал возможность купить себе несколько свистулек. Даритель преподнес Аркадию монету не ради тарелки супа, а как первооснову богатства в недалеком будущем. Когда брата и сестру усадили на специальный столик для фотографирования, Талочка расплакалась. Она потребовала, чтобы Аркадий отдал ей свой пятак.

– Бери, – сказал он, с сожалением протягивая монету. – С вами не разбогатеешь.

На фотографии, сделанной в тот день, Аркадий выглядит крупным, плотного сложения ребенком. Говорят, если он падал и ударялся, то никогда не плакал. Если же ему что-либо поручали, просьбу выполнял толково и быстро.

Мальчишку часто видели задумчивым. Когда родители ему что-то рассказывали, он их, случалось, перебивал, чтобы спросить: «А зачем? А почему?». Если же не получал вразумительного ответа, не желал слушать дальше. Пустые разговоры ему были не интересны.

Аркадий любил смотреть, как мама с папой дома работали. Жила семья в городе Льгове. Родители были школьными учителями. Вечером, при керосиновой лампе, они проверяли тетрадки. Чернила у них были красные. Пером с красными чернилами они исправляли ошибки учеников в тетрадях. А проверив, ставили оценки: 5, 4, 3. Двойки не ставили никогда. Родители считали: если ребенок выполнил работу на двойку, то у него, наверное, что-то случилось дома. С ним нужно сначала поговорить.

И еще он слышал, как мама однажды сказала: «Плохая оценка унижает ребенка. Он начинает считать себя хуже других. У него может развиваться комплекс неполноценности, способный искалечить его судьбу».

Наблюдая за работой родителей, Аркадий ждал того момента, когда они вдруг откладывали ручки с перьями, которые нужно было макать в чернильницу, собирали в аккуратные стопки тетради и, весело подмигнув сыну, начинали негромко петь. Они пели старинные песни и читали вслух, наизусть стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, модного тогда Надсона. Аркадий иногда им подпевал. А главное – песни и стихи запоминал.

Потом, в школьные годы, Аркадий часто выступал с теми же стихами на литературных вечерах, куда его часто приглашали. Радио, а тем более телевидения тогда не было и в помине. Самодеятельные спектакли, музыкальные и литературные вечера были главным видом коллективного времяпрепровождения образованных россиян.

В одиннадцать лет у Аркадия в Арзамасе появилось уважительное прозвище – «декламатор из реального».

Семья, между тем, жила трудно. Учительское жалование всегда было скудным. Няньки, которым в семье Голиковых тоже платили мало, держались недолго. Родители по утрам должны были уходить на работу – в другую половину большого дома. Главной проблемой было то, что на время работы не на кого было оставить маленькую Талочку.

И вот мама, Наталья Аркадьевна, позвала однажды сына.

– Аркадий, – сказала она, – ты у нас уже большой. Но главное – ты старший брат. Ты теперь отвечаешь за Талочку. Чтобы с ней было все в порядке. Чтобы ее никто не обижал.

Аркадий с ней играл, водил гулять, поил молоком с хлебом, давал пить микстуру, которую прописал доктор, если Талочка заболела.

Потом родились Катя и Оля. Аркадий и для них был старшим братом. Оле и Кате он уже читал сказки и проверял, насколько хорошо они читают сами. Постепенно у мальчика развилась привычка заботиться о других.

Подводный спасатель

Однажды в первую школьную зиму Аркадий с друзьями отправились на речку Тешу – кататься на коньках. Лед был не особенно крепок, но чтобы разок прокатиться по нему, толще и не требовалось. Пошли ватагой: Аркадий, Костя Кудрявцев, Коля Киселев и еще несколько товарищей. Все из реального.

Но у Аркадия имелись какие-то домашние дела. Он немного покатался, отвинтил коньки, собрался идти домой. Внезапно услышал крик: «Выбирайся на берег! Выбирайся на берег! Кому говорят!»

Аркадий оглянулся и увидел: Коля Киселев провалился под лед и пытался выбраться из полыньи. А Костя Кудрявцев, ни на шаг не приближаясь к Киселеву, давал бесполезные советы. Между тем надежды на самостоятельное спасение у Коли почти не оставалось. Лишь только он хватывал край полыньи – лед обламывался.

– Аркашка, на помощь! – отчаянно закричал Кудрявцев.

– Кисель! Иду к тебе! – крикнул Голиков, чтобы подбодрить товарища, который бултыхался в ледяной воде.

Аркадий ступил на лед, потом лег и пополз. Когда ему показалось, что он подобрался достаточно близко, Аркадий бросил товарищу конец своего ремня. Пряжка не достала до края полыньи всего нескольких сантиметров. Оставалось проползти еще немного, но лед под ним разошелся, и Голиков тоже очутился в воде. Намокшая одежда потянула вниз. Ждать помощи обоим уже было неоткуда. На Кудрявцева и остальных рассчитывать не приходилось. Аркадий ушел на дно.

Не знаю, что почувствовал Киселев, увидя, как товарищ, его последняя надежда, скрылся подо льдом.

Внезапно полынья перед Киселевым забурлила. Аркадий вынырнул, выплюнул воду и заорал, хлопая над головой руками: «З-здесь м-мелко! З-здесь мелко!»

Вода ему доставала до горла, но там, где бултыхался Киселев, было заметно глубже.

И Аркадий снова ушел на дно, но теперь уже по собственной воле. Те, кто стоял в отдалении, заметили труднообъяснимое. Киселев перестал бултыхаться, бить по воде руками. При этом он начал приближаться к берегу по узкой полоске воды.

Так продолжалось не меньше минуты, пока из воды перед Колей снова не выскочил Голиков. Он уже прочно стоял на дне реки. И Коля тоже почувствовал под ногами грунт.

Оказалось, когда Аркадий уже нарочно ушел на дно, он схватил Киселева под водой за пояс с пряжкой «АРУ» – Арзамасское реальное училище – и, бредя по дну, выволок его на мелкое место, где был раскрошенный лед.

Мамина просьба следить за маленькими сестрами, оберегать их от опасности породила со временем важнейшую черту характера Аркадия – ответственность за других. О своем спасении мне поведал Николай Николаевич Киселев – полковник в отставке, участник трех войн, кавалер нескольких боевых орденов.

– Если бы не решительность Аркадия, – сказал Николай Николаевич, – моя жизнь закончилась бы на дне речки Тешы.

Мамин наказ: «Ты отвечаешь!..» стал потом базовым в системе самовоспитания Аркадия Голикова и в педагогике писателя Гайдара. Наказ лег в основу тимуровской игры – дела, когда дети на протяжении полувека несли душевное тепло и реальную физическую помощь в миллионы осиротевших домов.

Мамины слова: «Ты отвечаешь!» определили все решения и поступки Аркадия Петровича Гайдара летом и осенью 1941 года, вплоть до 26 октября...

Мамина школа

Аркадий задумал научиться метко стрелять. Ружья у него не было. Он решил, что для начала подойдет и рогатка.

После уроков Аркадий смастерил отличную рогатку и отправился за дом, чтобы опробовать. Он забрался в дальний угол двора. Там, за дощатым забором, начинался соседский участок, на котором росла старая засыхающая береза. Аркадий уселся на заборе, вынул рогатку, заложил в ее карман круглый голыш.

Камешек пошел точно в ствол, но в последний миг, вильнув, сделал дугу и с дребезгом влетел в стекло соседского дома. У Аркадия замерло сердце. В доме жили неприятные люди. Они скандалили из-за любого пустяка. А тут появился серьезный повод.

Но Аркадию повезло: никто не видел. Он соскочил с забора; покрутившись часок вдали от соседского двора, что-то беззаботно напевая, отправился делать уроки. А когда вошел в дом, услышал, что все комнаты наполнены криком.

– Сегодня он выбил стекло, завтра – глаз, а послезавтра пойдет убивать из рогатки людей! – Это кричала соседка Евдокия Ивановна.

– Я пришлю вам стекольщика, – услышал Аркадий негромкий, усталый голос матери.

– Ах, нам еще и платить!

– Не беспокойтесь, я заплачу.

Соседка стремительно прошла к выходу. Это была молодая, всегда неопрятно одетая женщина.

Целый вечер Наталья Аркадьевна не разговаривала с сыном. Все в доме знали, что произошло, и даже Катюшка, самая младшая из сестер, смотрела на брата с осуждением. Ночью Аркадий не спал и обратил внимание, что из-под двери материнской комнаты пробивается свет. Аркадий открыл дверь и остановился на пороге. Он думал, что мать читает, а она лежала в халате поверх неразобранной постели и смотрела безучастным взглядом в потолок.

– Мам, я ж не хотел, – испугался Аркадий. – И потом, Евдокия Ивановна не видела... И только по одному подозрению... А вдруг бы не я – все равно посылай к ней стекольщика?

– Мне жаль не рубль серебром, – ответила мама. – Хотя деньги, ты знаешь, достаются нелегко. Сегодня в нашем доме произошло несчастье. Нечаянно открылось, что сын мой – трус. А трусливый человек способен на любую низость.

– Неправда, я не трус! Хочешь, я пойду один на кладбище?

– На беду нашу, трус. Иначе бы ты не позволил, чтобы плохо воспитанная женщина пришла кричать к тебе в дом.

Смелый человек либо признаётся, что совершил дурной поступок, либо опровергает, если его необоснованно винят. А ты стоял в прихожей – и не признался, и не опроверг. Если теперь обтрясут на соседней улице яблоню или украдут с веревки белье, покажут на тебя. А когда ты станешь оправдываться, ответят: «Ты в прошлый раз тоже не признался и убежал».

Среди уличных мальчишек считалось доблестью напракаться и смыться. И лопухами обзывали тех, кто попадался. Неудачника ждала дома порка. В семье Голиковых никого не порол и не шлепали. Но что может получиться разговор, который окажется хуже порки, Аркадий не ожидал.

– Мамоchка, я не стану больше убегать. – Он кинулся к ней и ткнулся головой в ее плечо.

С того дня, если был в чем виноват, сразу шел и сознавался. Скажем, играют большой компанией в прятки, Аркадий забежит в чужие сени и нечаянно опрокинет молоко. Никто не видел и можно бы удрать, а он уже стучит в горницу и говорит: «Извините, я опрокинул кринку».

И вечером матери: «Прости, мамочка, но произошла неприятность».

Мать все равно бледнела. Продукты дорожали. Кринка молока стоила бог весть каких денег, но мать уже не плакала. «Я все уладила, – говорила она ему час спустя. – Спасибо, что не пришлось краснеть».

А через день-другой случалось что-нибудь еще. И он снова говорил: «Извините, это сделал я». И на него опять обрушивалась лавина обидных слов, но поступать иначе он уже не мог.

Приятели над ним, конечно, смеялись. Сами они, если что натворят, тут же удерут или изобразят благородное негодование на лице: «Бог свидетель, это не я и не мы!» И набожные соседи, слыша такие клятвы, отступались. А хитрые приятели подмигивали Аркадию: «Учись, разиня. Видишь, ни шума, ни полтинников».

Но снова хитрить, снова бояться разоблачений и всякого рода скандалов он уже не мог. Идти с признанием в очередном нелепом поступке было тяжело и стыдно. Но зато когда все повинные слова были произнесены, он ощущал легкость во всем теле и радость в душе. Ему не нужно было никого бояться.

Позднее Аркадий понял: преодолевая страх наказания, он научился побеждать в себе любой страх. Это не значило, что он перестал всего бояться. Просто у него появились выдержка и воля. Даже если Аркадий допускал серьезный промах, он теперь не слабел от испуга: «Ах, что мне за это будет!» – и не делал тут же нелепых, трусливых шагов. Он не боялся ответственности, но помнил, что за каждую оплошность придется отвечать. И это его порой удерживало от новых нелепостей.

...Сколько раз потом, стремительно взрослея, в обстоятельствах далеко не домашних, Аркадий вспоминал с благодарностью и нежностью маму. С тех пор как он помнил себя, она всегда требовала от него волевых поступков.

Первый литературный успех

В семье Голиковых много занимались самообразованием. Родители прочитывали множество книг, изучали французский и немецкий языки, говорили на этих языках между собой. Аркадий все запоминал. Через много лет французские фразы из старых пособий Аркадий Петрович любил вставлять в свои письма, но писал их, эти фразы, русскими буквами.

А немецкий в 1941-м пригодился на Юго-Западном фронте под Киевом и в партизанском отряде под Каневом. Гайдар помогал при допросах, читал и переводил документы, захваченные у гитлеровских солдат.

...Оттого что в доме постоянно звучали стихи, Аркадий научился говорить в рифму. Первые стихотворные строчки он сочинил, еще не умея читать и писать. Мама Наталья Аркадьевна даже купила альбом в сафьяновом переплете, чтобы записывать его рифмованные двустишия.

Сам Аркадий из отечественных поэтов больше всех любил Лермонтова. На литературных вечерах Аркадий с особым воодушевлением читал поэму «Мцыри», особенно то место, где главный герой, подросток, вступал в рукопашную схватку с диким барсом:

*Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле...*

...В жизни Аркадия произошло важное событие. Преподавал словесность в Арзамасском реальном училище Николай Николаевич Соколов. Ученики звали его Галкой. Под именем ремесленного учителя Галки Гайдар вывел его в повести «Школа».

О Николае Николаевиче говорили, что он объехал полсвета, знал десять языков, мог преподавать в столичном университете, а выбрал Арзамасское реальное. Почему – неясно до сих пор. Случалось, на уроках Николай Николаевич рассказывал о своих путешествиях столько диковинного, что мальчишки (училище было мужским) досадовали, когда раздавался звонок. Разбирая на уроке то или иное литературное произведение классика, Галка читал отрывки на память и любил беседовать о судьбах писателей.

Это Николай Николаевич дал Аркадию и товарищам по классу «совет на всю жизнь»: беречь и умело развивать память. «Учите каждый день стихи или отрывки прозаического текста или иностранный язык, – повторял он. – Потраченное время с лихвой к вам вернется».

Аркадий и без того знал много стихов и песен наизусть. А тут он стал учить стихи нарочно. Вскоре память Аркадия стала изумлять окружающих. Он запоминал тексты учебников и прочитанных книг почти слово в слово. Позднее в армии Голиков помнил все изгибы местности, громадные листы карт, имена сотен бойцов, их биографии, всю информацию, необходимую командиру.

Как-то раз Николай Николаевич задал на дом сочинение «Старый друг лучше новых двух». Аркадий решил написать о своем отце. Очень занятой человек, отец всегда находил час-другой, чтобы провести его с Аркадием.

Сын крепостного, Петр Исидорович испытал на себе все трудности крестьянского труда. Колоссальным усилием воли, без помощи семьи, получил образование, стал учителем младших классов. Петр Исидорович готовил сына к возможным превратностям судьбы, настойчиво советовал не пасовать перед трудностями.

Раздавая тетради, Соколов сказал:

– Большинство работ я прочитал с истинным удовольствием, но одно сочинение хочу отметить особо. Голиков написал о своем отце и сделал это бесподобно. Я прочитал это сочинение в двух соседних классах. Оно произвело большое впечатление. Я нахожу, Голиков, что у вас есть литературные способности. (Ученикам в реальном училище говорили «вы». – Б.К.) А рано пробудившиеся способности – большая редкость. Не следует думать, господа, что Голиков непременно будет писателем, но если захочет, то имеет способности им стать.

Я, автор этой книги, не знаю другого случая, когда бы литературное дарование было публично отмечено у человека, которому едва исполнилось одиннадцать лет.

– Мне было бы приятно, Голиков, – сказал Николай Николаевич, – если бы вы нашли время посетить меня. Мы ведь с вами соседи? Придете? – закончил учитель свое короткое выступление.

Галкинская «академия»

И Аркадий пришел. В просторной комнате стояли низкая софа, низкий столик, невысокие стулья, как позднее узнал Аркадий, сделанные по чертежам самого Галки. На софе и на стульях, уткнувшись в книги, расположились мальчики в форме реалистов – Аркадий их встречал в училище.

Учитель, который сидел за письменным столом, заметив Аркадия, поднялся навстречу. Николай Николаевич был в белейшей полотняной рубашке и бархатной куртке.

– Я рад, что вы у меня, – сказал Николай Николаевич. Посмотрите, вдруг вас что-нибудь заинтересует.

Вдоль стен темнели застекленные шкафы. В одних стояли книги: энциклопедия Брокгауза и Эфрона, роскошные издания классики – Шекспир, Шиллер, Гёте, Пушкин, Лев Толстой и много других произведений в солидных и пестрых обложках. А в одном шкафу книг не было – там лежали морские раковины, словно обросшие редкой бородой кокосовые орехи, засушенные морские звезды, китайские, темного лака шкатулки с тонкой витиеватой резьбой, позолоченная фигурка Будды, кривой нож в деревянных ножнах, резной шар из слоновой кости, внутри которого находилось несколько других шаров, и еще множество диковинных вещей. Галка привез все это из дальних стран. О его путешествиях и коллекции в городе и училище было много разговоров.

Соблазн прикоснуться к этим сокровищам хотя бы пальцем был так велик, что Аркадий спрятал руки за спину.

– Здесь все можно трогать и брать руками, – сказал Галка.

Но Аркадий уже увидел в дальнем шкафу «Приключения Тома Сойера» – эту книгу в Арзамасе невозможно было достать – и «Пятнадцатилетнего капитана». И хотя нельзя было читать сразу две книги, Аркадий забрал с полки обе, уселся на низкий диванчик, открыл «Тома Сойера» – и оторвался, лишь заметив, что все гости давно ушли.

– Ой, который же это час? – вскочил он и покраснел, увидев, что уже начало двенадцатого. Аркадий кинулся к шкафу, чтобы поставить книги на место.

– Если желаете, возьмите их с собой, – сказал, входя в комнату, Галка.

Все время, до самого ухода Голикова на фронт, Соколов вел и направлял его по жизни, как человека с большим дарованием. Николай Николаевич подбирал для него книги по истории, отечественную и зарубежную литературную классику. Он беседовал с Аркадием о прочитанном, рассказывал о драматизме судеб писателей. Квартира Соколова, куда приходил не только Аркадий, стала для Голикова литературным университетом. Единственным за всю жизнь.

Не случайно, пройдя Гражданскую войну, написав первую повесть, Аркадий Голиков проедет через всю Россию, отыщет Николая Николаевича, который к тому моменту переселится в Ленинград, чтобы показать ему рукопись...

Однако через десять лет былого взаимопонимания уже не возникнет. И дальше по литературным путям и хлябям Аркадий Голиков пойдет один, но с багажом знаний и культуры, который он получил от учителя словесности.

Совет на всю жизнь

Однажды Аркадий пришел к Николаю Николаевичу с большой пачкой библиографических карточек.

– Что это вы принесли? – спросил Николай Николаевич.

– Вот, записываю про меч-рыбу, повадки акул. Их считают очень умными.

Вы собираетесь стать ученым?

– Нет-нет. Просто, чтобы не забыть.

– Такие записи делают и хранят ученые... Они их распределяют по темам, дополняют, карточки им необходимы, потому что объем сведений, которые нужны ученому, громаден, а всем остальным людям нужно научиться пользоваться своей памятью. Было время, когда не существовало письменности. Все сведения о природе, способах добывания огня, приемах охоты на громадных животных с помощью примитивных орудий, сведения о том, когда сеять, а когда снимать урожай, и о многом другом хранила только человеческая память. Если бы случилось такое несчастье, что сразу все люди лишились бы способности помнить, человечество просто исчезло бы. Оно бы не выжило.

– Но тогда мало знали.

– Ошибаетесь. Нашим предкам было известно такое, о чем мы уже не имеем понятия. Они читали следы зверей и птиц – иначе как же охотиться и выслеживать? Великолепно распознавали запахи – это часто помогало уберечься от опасности. Знали абсолютно все растения: какие пригодны в пищу, какие для лечения, а какие ядовиты и их нужно остерегаться. В деревнях и сейчас это знают. Там живут старушки, которые, взглянув на небо, скажут, какая погода будет завтра. Или заявят: «Раз сегодня дождь, то лить он будет сорок дней». И действительно, дожди начинают лить без остановки. Вот здесь, на полках стоят «Илиада» и «Одиссея». Их, по преданию, сочинил слепой поэт Гомер. Прошло много лет, прежде чем поэмы записали.

А до этого тысячи людей запоминали их с голоса, слово в слово.

– Сейчас такой памяти уже не бывает, – вздохнул Аркадий.

– Бывает. У нас в Арзамасе священнослужители помнят наизусть Библию. Да и не одну только Библию. Много других текстов, которые они считают важными. Наша память нуждается в том, чтобы ее загружали. Она любит работать. И чем больше ей приходится работать, тем лучше она это делает. Поэтому есть люди, память которых изумляет. Я слышал на Севере сказительницу, которая три дня при мне пела песни, былины, веселые частушки – и ни разу не повторилась. Думаю, она помнила не меньше Гомера. Потому я и говорю: все, что вам может понадобиться, запоминайте. Места, где вы побывали, названия растений, повадки птиц, оттенки заката, исторические события, страницы книг, которые вам особенно понравились. И свои разумные мысли запоминайте тоже. Листок или карточка могут затеряться. А голова всегда будет при вас.

Человек с отличной памятью, – продолжал Николай Николаевич, – богатый человек. То есть денег и драгоценностей у него может и не быть. Зато ни один прожитый день для него не проходит бесследно. Все увиденное, услышанное, понятое остается с ним. Мы никогда не знаем, что нам из прошлого опыта понадобится. И чем богаче наша память, тем мы защищены в опасных ситуациях. Обратите внимание, как много полезного помнят герои романов Жюль Верн – и это помогает им выжить.

Аркадий кивнул. Он был растерян. Он испытывал изумление пред могуществом человеческой памяти и сожалел, что у него не будет такой памяти, как у Гомера или хотя бы как у самого Николая Николаевича, который стихи Гюго на уроках читал на французском, поэму Байрона – на английском, сонеты Петрарки – на итальянском, а восточных поэтов – на японском или китайском языке.

– А если у меня слабая память? – с тревогой произнес Аркадий.

– Слабая память только у больных, – жестко ответил учитель. – У большинства она бывает просто ленивой.

Но тетя Даша меня о чем-нибудь просит, а я забываю.

– Память здесь ни при чем. Вы невнимательны. А у рассеянных людей хорошей памяти быть не может. Чтобы что-то запомнить, надо сосредоточиться. Этому тоже учатся.

Я был во время своего путешествия в тибетском храме. – Галка снял с полки позолоченную фигурку Будды. – Там не только молятся, там готовят ученых монахов, в том числе лекарей. И лекарей превосходных. И нам показывали, как воспитывают внимание и память у будущих тибетских врачей. Каждому ученику давали цветок. И за минуту, которую отмеряли песочные часы, нужно было разглядеть и запомнить количество и форму лепестков, тычинок и листьев, их расположение на стебле. Если цветок увядал, то нужно было сказать, сколько лепестков увяло и как изменилась их окраска. Или в комнату входил человек в диковинном одеянии – и за несколько секунд требовалось разглядеть и запомнить, во что он одет, обут, какие на нем украшения и даже количество пуговиц на рукавах и груди. Без внимания и предельной сосредоточенности это было бы невыполнимо.

Голиков не помнил, когда он ушел от Николая Николаевича. Он только помнил, что ходил по темному городу, не разбирая, где дорога, где лужи. И дал самому себе слово, что разовьет память и наблюдательность еще лучше, чем эти монахи-лекари, и сможет, взглянув на страницу учебника, сразу все понять и запомнить. А если попадет к папе на фронт, то попросится в разведку, обманом проникнет в немецкий штаб, взглянет на их карты – и запомнит расположение линий и стрелок.

Обладая хорошей зрительной памятью, Аркадий придумал для себя вот что. Перед сном прочитывал несколько страниц Гоголя или отрывок из повести Льва Толстого. А утром обнаруживал, что помнит прочитанное накануне слово в слово.

Став писателем, Аркадий Петрович Гайдар помнил наизусть свои повести и рассказы и часто читал их с эстрады или в дружеской компании. Товарищи, случалось, на спор проверяли его по тексту книг. Гайдар не ошибся ни разу.

Одиннадцатилетний мудрец

Дружба ученика и учителя сопровождалась стремительным интеллектуальным и нравственным ростом Аркадия.

Первыми на это обратили внимание... товарищи по училищу.

Во втором классе Аркадий был чуть выше других, тонкокостным и невероятно худым. Мать-акушерка одна обеспечивала семью из шести человек. Как выглядел Аркадий, можно увидеть на знаменитых снимках, где запечатлена вся семья, только на одной фотографии нет отца. Петр Исидорович, напоминая, находился на фронте.

При этом Голиков пользовался самым большим авторитетом среди реалистов. Подростки, как правило, высоко ценят, прежде всего, физическую силу. Голиков особенной силой не обладал. Славился он, прежде всего, своим бесстрашием. Если откормленные сыновья местных богачей, сговорясь, начинали бить мальчишек – бедняков, поляков и евреев, в школьном коридоре или даже на улице раздавался крик «Аркашка!». Дружил ли парнишка, которого лупцевали, с Голиковым или Аркадий видел его впервые, значения не имело.

Если Аркадий слышал крик о помощи или видел кучу мальчишек, где из-под груды упитанных тел выглядывало испуганное, а иногда и окровавленное лицо очередной жертвы, он в тот же миг подлетал к этой копошившейся груди и начинал ее раскидывать. Тогда уже налетчики начинали кричать друг другу: «Бежим! Это Аркашка!»

И хотя по скромным габаритам Голикова громадной силой появиться было неоткуда – возмущение придавало ему такую энергию, что даже старшеклассники предпочитали с ним не связываться. Налетчики уже знали: в ответ на любое сопротивление Голиков обрушивал серию стремительных, повторяющихся ударов. Никто из обидчиков такой техникой не обладал. И она порождала страх.

А еще реалисты уважали Аркадия за ясный практический ум. Даже малознакомые ребята, если у них возникала проблема, шли за советом и помощью к Голикову.

Однажды возникла такая коллизия. Аркадий дружил с Колей Киселевым (которого вытащил из полыни) и оберегал Костю Кудрявцева, незащитного и странноватого деревенского парня, которому часто доставалось от школьных учителей. Тогдашний сельский образ жизни с его однообразным трудом мало способствовал развитию детей.

Коля приехал из города Лукоянова. В Арзамасе он снимал комнату с обедами у местного священника. Костины же родители пахали землю где-то в глуши Новгородчины. А жил он у дяди с тетей, лавочников, которые его нещадно эксплуатировали. Костя был для них бесплатным батраком.

Как-то на большой перемене оба приятеля подошли к Аркадию. У каждого к нему имелось дело.

– Что у вас? – спросил Голиков.

– Ведьма мне п-поставила т-третью д-двойку и сказала, что оставит на в-второй год, – пожаловался Костя. Ведьмой в реальном училище звали преподавательницу французского языка.

– А что, Николай, у тебя? – обернулся Аркадий к Киселеву.

– Я тоже тебя искал, – обиженно ответил Киселев. – У меня большие неприятности: гонят из квартиры.

– Ничего себе денек начинается, – вполголоса произнес Голиков и тихо засвистел, что было у него признаком большой озабоченности.

– Встретимся на улице после уроков.

Когда Аркадий вышел из училища, товарищи ждали его на тротуаре. Голиков кивнул им и двинулся в сторону дома.

– Ты что, не выучил урока? – спросил он Кудрявцева.

– Выучил, но она... – От волнения Костино лицо искривилось, будто ему свело рот. – Она с-сказала, что с т-таким произношением н-не п-переведет меня в третий класс...

– Занимался бы побольше, – вяло произнес Аркадий, понимая всю безвыходность ситуации.

– Когда з-заниматься? – вскрикнул Костя. – П-прихожу из училища, обедаю – и з-за прилавков. Народ в лавку ходит р-редко. Но книжку открыть не смей! «Вдруг войдет покупатель, – говорит дядя, – и подумает, что в лавку давно никто не заходил».

– Ты же не круглые сутки в ней сидишь, – заметил Аркадий.

– А когда з-запру лавку, д-дядя кричит: «К-костя, самоварчик! К-костя, дровишки накопи! К-костя, у тебя с-свинки не кормлены!» А после ужина: «К-костя, к-керосинчик-то ныне дорогонек». И уроки учу стоя на лавке при свете л-лампадки. А дядя к-корит: «Богохульствуешь! Лампадка – для освещения лика Божьего, а не твоей физиономии!»

Голиков озабоченно покачал головой. В одиночку с этими проблемами Косте было не справиться.

– Я б тебе помог с французским, – сказал Голиков, – но у меня такое произношение, что мама, когда читаю вслух урок, выбегает из комнаты. Обожди... Кисель, ты же у нас свободно болтаешь по-французски?

– Я ж тебе сказал, что поп гонит меня с квартиры, – ответил Киселев. – Если я за два дня не найду другую, придется ехать обратно в Лукоянов, а там негде учиться.

– А с чего поп тебя гонит? – спросил Аркадий.

– Набрал квартирантов. Дерет бешеные деньги за еду, а кормит все хуже.

– Ладно, найдешь другую, – успокоил Аркадий. – У Кости дела посерьезнее.

– Я уже искал, упавшим голосом ответил Киселев. – С обедами никто не берет. Самим, говорят, есть нечего.

– Я бы, Коля, взял тебя к нам, но ты помрешь у нас с голоду, – сказал Аркадий. – Шесть ртов, а работает одна мама.

– Голиков замолчал.

«Где Аркадий найдет квартиру с обедами, если он и сам голодает?» – подумал Коля. «Как он уговорит Ведьму, если в прошлом году ее не сумел уговорить сам попечитель учебного округа?» – подумал Костя.

– Ребята, я вот что придумал, – произнес Голиков. – Надо вас вместе поселить у Костиных «благодетелей». У тебя, Кисель, появится жилье. И ты поможешь Косте с французским. Да и постесняется дядя при тебе, Кисель, на Косте допоздна ездить. Кость, ты чего думаешь?

– Н-не з-знаю. Д-дядя ж-жмот большой. З-захочет ли взять н-нахлебника?

– Но ты же даром на него работаешь! – возмутился Аркадий. – Ты и сиделец в лавке, и дворник, и скотник. Коля, ты что думаешь?

Я хоть самому дяде буду исправлять произношение.

А я с д-дядей об этом г-говорить не могу, – предупредил Костя. – Он з-за обедом к-как зыркнет – я к-кладу кусок хлеба об-ратно.

– Ладно, я сам поговорю, – сказал Голиков.

Кудрявцев привел друзей к двухэтажному облезшему дому с деревянными колоннами, к которому примыкала тесная, в два окошка лавка.

У крыльца Костя подал знак, чтобы товарищи незаметно проскользнули в дом, – опасаясь, что дядя тут же посадит его караулить покупателей. Ребята вошли в полутемную прихожую, старательно вытерли о коврик ноги. Испуганная непривычным шумом, по лестнице стремительно спустилась немолодая женщина в накинутом на плечи платке – Костина тетя.

– Здравствуйте, Екатерина Васильевна, – сказал Аркадий, снимая фуражку. – Мы Костины товарищи...

Киселев тоже снял фуражку и поклонился.

– Милости прошу, мальчики, раздевайтесь, – растерянно ответила женщина: гости в этот дом заходили редко.

Ребята прошли в мрачную гостиную с толстыми плюшевыми порттьерами на окнах. Плюшевой скатертью с кистями был накрыт и стол. По стенам висели портреты и фотографии в рамках. В этой галерее Аркадий разглядел снимок самой Екатерины Васильевны.

– Хороший снимок, – похвалил Аркадий.

– Узнали? – искренне удивилась Екатерина Васильевна. – Это в день окончания гимназии.

– Вы и сейчас очень похожи, – сказал Аркадий. Это была правда.

– Что вы, Аркаша, – залилась она краской. – Я вам лучше принесу компот.

Екатерина Васильевна возвратилась с подносом, на котором стояли три фаянсовых кружки с компотом и тарелка свежих, домашних кренделей. Аркадий и Киселев переглянулись: таких кренделей они уже давно не пробовали.

– Мы по важному делу, – сказал Аркадий, допив компот и дожевав крендель.

– Слушаю вас, – лицо женщины напряглось.

– Нас беспокоит, что Косте трудно дается французский.

Его могут оставить на второй год.

– Да что вы! – испугалась Екатерина Васильевна. – И ничего нельзя исправить?

– Вообще-то можно, – ответил Аркадий, – но у Кости не остается времени на домашние задания.

– Вы правы, – смутилась Екатерина Васильевна, – я прослежу, чтобы муж его меньше загружал. Спасибо, мальчики, что пришли. А теперь прошу извинить, я спешу. – И она вышла из комнаты.

Аркадий замер, собираясь с мыслями, и бросился к двери.

– Екатерина Васильевна, можно вас еще на одну минуту?

– Аркаша, я приглашена к обеду. И уже опаздываю. Приходите на той неделе: в среду или лучше в четверг.

– Будет поздно, – ответил Аркадий.

– Что значит «поздно»? Вы недоговариваете.

Екатерина Васильевна встревоженно вошла в гостиную.

Она была в пальто с песцовым воротником и в песцовой шапочке. От нее исходил тонкий запах духов.

– Я не успел сказать, что сам Костя с французским не справится. Даже если у него будет много свободного времени.

– Господи, – опустила на стул Екатерина Васильевна. – Что же делать? Я когда-то знала и французский, и греческий, но уже ничего не помню. А учителя небось нынче дороги?

– Да... но простой репетитор ему не поможет.

– Это почему же? – удивилась женщина и сняла шапочку: ей стало жарко. – Вон у соседей сын балбес балбесом, наняли гимназиста, и он помог по арифметике.

– Ведьма, простите, мадам Языкова невзлюбила Костю и обещала: она переведет его в следующий класс, только если он будет по-французски свободно разговаривать. А для этого он целый день должен с кем-нибудь по-французски болтать – иначе ему придется уехать обратно в деревню.

– Как уехать? – тетя была искренне взволнована. – Мы к нему привыкли. Своих детей нам Бог не послал. Мальчики, Коля, Аркаша, посоветуйте. И потом, где я найду такого учителя, чтобы он занимался с ним целый день? Да и денег у нас таких нет.

– Мы и сами не знаем, чем помочь, – сокрушенно произнес Аркадий. – Обождите... Коля, ты ведь у нас хорошо говоришь по-французски? – будто вспомнил Аркадий.

– Но я не могу каждый день так далеко ходить, – включился в игру Коля.

– Зачем же вам ходить? Переезжайте к нам, – предложила Екатерина Васильевна. – Места много. Вам у нас будет спокойно.

– Как ты насчет переезда? – хитро прищуря глаз, спросил Аркадий. – Что тебе у своего попа снимать комнату с обедами, что здесь. Люди тут приветливые, добрые, много с тебя не возьмут.

– Какое «много»! – всполошилась Екатерина Васильевна. – Мы вообще ничего не возьмем. Будете жить, Коля, как родной.

– Даже не знаю, – помялся Коля. – Квартирантов у попа много, вечером весело, играет гармошка...

– Но Косте-то надо помочь?! – возмутился Голиков. – И потом, пожалей Екатерину Васильевну – где ей найти репетитора, чтобы ходил сюда каждый день и разговаривал с Костей только по-французски?

– Коля, я отведу вам отдельную комнату. А мы с дядей мешать не будем, если только я принесу чашку компота.

– Ну что, Кисель? – спросил Аркадий, делая неприметный знак, что пора соглашаться.

– Хорошо! – ответил Киселев.

– Только одно меня беспокоит, – заволновалась вдруг Екатерина Васильевна. – Едим мы не по-городскому: щи да каша, разве что когда спеку.

– Это ничего, – ответил за Колю Аркадий, – он у нас неизбалованный.

...Прощаясь, Голиков хитро подмигнул повеселевшим товарищам.

– Представляете?! – взволнованно произнес полковник Николай Николаевич Киселев, когда я гостил у него в Астрахани. – Мы оба с Костей не поехали домой. Оба остались в училище. Если бы не Аркадий, я бы до революции смог получить только двухклассное начальное образование... У нас в Лукоянове учиться было негде.

Как стать полковником в семнадцать лет (Пособие для будущих военачальников)

Мамина хитрость

Легендарная военная биография Аркадия Петровича Голикова началась с нелепого и неумного поступка. Стояла осень 1918-го. Больше года назад Николай Второй отрекся от престола. Власть перешла к Временному правительству. Затем к большевикам.

Аркадий все это время был предоставлен сам себе. Он успел побывать «мальчиком на побегушках» в клубе большевиков. Кто-то за такое сотрудничество попытался вечером его убить. Когда Аркадий возвращался домой, чья-то рука сбоку ударила его ножом в грудь. Убийца оказался неумелым. Удар получился слабым. Кончик ножа ткнулся в ребро. Духу на второй удар у бандита не хватило. Аркадий сам пришел домой. Мама сделала ему перевязку.

Следствием покушения стало то, что Аркадий поднакопил немного денег, отправился на базар, где можно было приобрести что угодно, и купил для самозащиты карманный маузер с запасной обоймой и еще десяток патронов в холщовом мешочке. Теперь, возвращаясь в темноте домой, он держал руку с пистолетом в кармане брюк. Но больше на него никто не покушался.

Однажды Голиков зачем-то пришел на вокзал. На запасном пути стоял эшелон. Рядом на площадке лихо плясал мальчишка в полной красноармейской форме. Бойцы прихлопывали в такт и кричали плясуну: «Давай, Пашка, давай, Цыганок!»

– А если я попрошусь? – вдруг загорелся Аркадий.

– А пойдем! – охотно согласился Пашка. И привел к комиссару отряда по фамилии Гладильщиков.

Аркадий комиссару понравился.

– Принимай, Павел, себе нового товарища, – распорядился он. – Скажи, чтобы поставили на все виды довольствия. Уезжаем, Аркадий, мы нынче ночью.

Во мгновение ока реалист-пятиклассник превратился в красноармейца.

– Большое спасибо! – не смея поверить своему везению, произнес Голиков.

Мальчишки уже открыли дверь из вагона, когда Гладильщиков спросил вдогонку:

– А лет тебе, Аркаша, сколько?

– Четырнадцать! – ликующим тоном ответил новобранец.

– Тогда, брат Аркадий, немного подрасти. Я думал, тебе хотя бы шестнадцать, как Пашке. Бойцом красноармейского отряда Голиков пробыл от силы три минуты.

О том, что он чуть не уехал на фронт, Аркадий простодушно сообщил вечером за ужином – привык, что мать не вмешивается в его жизнь, и был уверен: она и тут ничего не скажет.

– Как это чуть не уехал?! – изумленно и гневно спросила мама. – А я, а девочки? А тетя?!

Было очевидно: если бы комиссар не спросил, сколько ему лет, Аркадий уехал бы вместе с Пашкой, возможно, ничего не сообщив даже матери.

Наталья Аркадьевна была женщина яркая, энергичная и всему Арзамасу известная. По недавно приобретенной специальности акушерки она приняла роды во многих десятках домов. И решила уберечь сына от более удачного побега.

В Арзамасе формировался коммунистический батальон. Командиром его назначили Ефима Осиповича Ефимова, начальника железнодорожной станции Арзамас. Наталья Аркадьевна упростила его взять Аркадия адъютантом. Думала:

«Пока что батальон в Арзамасе. И потом, мальчишка все-таки будет при командире».

Ефимов побеседовал со смышленным подростком из хорошей семьи. И взял. Аркадию выдали форму. Поставили на довольствие и положили жалование. В доме сразу сделалось сытней.

Служба поначалу была не очень трудной. Писал под диктовку. Следил за поступающими телеграммами. Ездил с Ефимовым в литерном вагоне то в Нижний, то в Казань.

А месяца через полтора Ефимова вдруг назначили командующим войсками по охране железных дорог Республики. Штаб – в Москве. Толкового грамотного мальчишку, который превосходно разбирался в документах и был исполнитель, Ефимов забрал в столицу.

Так цепочка почти бытовых случайностей положила начала военной карьере Аркадия Голикова. Шел 1918 год, Аркадию тогда еще было четырнадцать лет.

Четырнадцатилетний адъютант

...Из чего складывалась работа адъютанта командующего – это удалось собрать по крохам.

Ефимов приходил к себе в кабинет в шесть утра. Аркадий вставал в пять. Обливался холодной водой. Затем шел к дежурному по штабу и выслушивал, какие сведения поступили за ночь с железнодорожных узлов и станций по телефону. Все это коротко заносил в блокнот.

Затем подымался к телеграфистам. Забирал рассортированные депеши. Возвращался в приемную и ждал вызова. Звенел колокольчик.

Командующий сидел под громадной, во всю стену, картой железных дорог России. Утренние доклады адъютанта состояли из двух частей: общее положение на фронтах и обстановка на железных дорогах. Аркадий помнил географические названия, номера поездов, с которыми случились происшествия, количество пострадавших паровозов и вагонов. Он первым узнавал время, необходимое для ликвидации аварий на каждом участке железнодорожной сети.

Сведения были обширны. Когда главнокомандующий вооруженными силами Республики Иоаким Иоакимович Вацетис (по нынешнему табелю о рангах – военный министр) вызывал к себе Ефимова, тот брал Аркадия с собой.

Для рапорта требовалось множество карт. Если типографских карт определенной местности не было, Аркадий развешивал схемы, которые изготавливал сам, и давал пояснения к ним.

Когда он первый раз появился на секретнейшем совещании с целой охапкой свернутых в трубки географических карт и схем, у одних участников заседания это вызвало улыбку, у других – возмущение, высказанное вслух: «Нам тут не хватало только школяров!»

Действительно: на фоне высшего начальствующего состава Красной армии, куда вошли и недавние царские генералы, изрядно худой Аркадий в великоватой гимнастерке и великоватых галифе (форму для подростков в армии не шили), с кобурой на поясе, и впрямь смотрелся довольно странно.

Недовольство присутствующих заметили и Ефимов, и Голиков. Но Ефимов знал, что через полчаса мнение о его адъютанте переменится.

Когда же Вацетис, главнокомандующий всей Красной армии, обратился к Ефимову, чтобы узнать обстановку на железных дорогах страны, Ефимов подошел к развешанным картам, обрисовал общую картину, а напоследок сказал:

– Подробности происшествий, диверсий, а также аварий на железнодорожных путях за минувшие сутки нам доложит товарищ Голиков.

Не знаю, чего от мальчишки в мешковатой, не по росту гимнастерке ожидали члены Высшего военного совета. Им, конечно, не было известно, что с трех-четырёх лет Аркадий помнил народные песни и стихи великих поэтов, что в реальном специально тренировал свою память и что Ефимов несколько раз в сутки выслушивал доклады адъютанта о ситуации на дорогах всей страны.

Поэтому после первых нескольких фраз, произнесенных Голиковым, аудитория замерла. Более четкого и емкого доклада, изложенного великолепным языком, где были расставлены все акценты, участники заседания никогда не слышали. Когда Аркадий закончил, наступила тишина.

Затем начались осторожные вопросы. Голиков отвечал:

– Таких сведений об этом крушении в телеграмме не содержалось. Но я отправлю запрос.

– Эшелон с боеприпасами, который вас интересует, остался цел, но послан в объезд.

Поэтому он прибудет с опозданием.

– Обрушение моста через Волгу не было диверсией. Мост был старый, нуждался в ремонте. Его не ремонтировали из-за интенсивного движения. Когда он будет восстановлен, сказать не могу. Какая конструкция моста? Сейчас у меня сведений нет, но я постараюсь узнать к завтрашнему утру.

После заседания Голиков отправлялся в Румянцевскую библиотеку, что напротив Кремля. Несколько десятилетий ее потом называли «Библиотекой имени В.И. Ленина». Аркадий сюда уже обращался. Сотрудники прозвали его «молоденький адъютант командующего».

На время, что он находился в читальном зале, к нему прикрепляли сотрудника, который искал и находил нужные издания. В тот день, о котором я сейчас рассказываю, Голикова интересовали сведения об одном из самых крупных мостов России. Они были необходимы, чтобы иметь понятие о возможных сроках его восстановления.

Сведения нашли, фотографию тоже. Голиков, не сходя места, нарисовал, как сумел, схему сооружения. Когда на следующее утро он вывесил этот лист вместе с другими картами, по залу прошел одобрительный гул. Такая точность в работе в той обстановке была большой редкостью.

Уже позднее, став командиром, Аркадий Петрович уяснил для себя: на заседаниях у Вацетиса он, Голиков, получил первые навыки профессионального мышления, где требовалось учитывать сразу множество факторов.

Поскольку все сведения о войне на железных дорогах стекались в первую очередь к Аркадию, то Ефимов возложил на него еще одну обязанность: сделал Голикова начальником узла связи штаба. Аркадий теперь не только первым получал всю информацию, но и отвечал за бесперебойную работу людей, которые сидели у аппаратов, контролировал деятельность самых засекреченных людей в штабе – шифровальщиков, следил за работоспособностью сложной старой техники, которая часто выходила из строя.

Когда возникала тяжелая обстановка на фронтах, спать приходилось не более двух часов в сутки. Однажды Голиков с Ефимовым не спали трое суток. Взрослый человек не мог удержать в голове все те сведения, которые без труда запоминал мальчишка – начальник узла связи.

Двадцать второго января 1919 года, после завершения утреннего доклада, Ефим Осипович поздравил своего адъютанта с днем рождения. Аркадию исполнилось пятнадцать лет. Командующий преподнес ему подарок: новый офицерский кортик с рукояткой из слоновой кости в позолоченных ножнах.

Аркадий в тот же день сфотографировался. Старенькая, из дома взятая кубанка. Через плечо – ремень от маузера, купленного на арзамасском базаре. А на поясе, повернутый к зрителю, – новенький офицерский кортик.

Любой мальчишка на месте Аркадия был бы счастлив. Военная служба его началась с небывало высокой должности. Но сам Голиков своим положением был недоволен. Он хотел на фронт. Написал рапорт. Ефимов его разорвал. Аркадий написал другой. Стало очевидно: мальчишка не остановится. Было очевидно и то, что второго такого адъютанта Ефим Осипович вряд ли найдет.

К этим проблемам прибавилась еще одна. Ефимов помнил обещание, которое дал матери Аркадия, – позаботиться о нем.

– Хорошо, согласился Ефимов. – Только сначала пойдешь учиться. На командные курсы берут обстрелянных и с восемнадцати лет. Но я позвонил Вацетису – он разрешил. Он тебя помнит. «Конечно, – ответил Вацетис, – Голикову нужно учиться».

Голикова направили на Московские командные курсы Красной армии, которые располагались на Пятницкой улице.

Но учебное заведение перевели в Киев. На Украину. Там проходил фронт.

Два года – за шесть месяцев

В программу Киевских командных курсов входили: русский язык, арифметика, природоведение, история, география, геометрия, пехотные уставы, фортификация, пулеметное дело, тактика, топография, основы артиллерии, военная администрация. На Аркадия обрушилась лавина разнообразнейших сведений.

После обеда – практика. Это были строевые учения, топографические занятия на местности, езда верхом, упражнения с холодным оружием и каждый день стрельбы: из винтовки, револьверов разных систем и пулеметов «максим», «льюис» и «тонкие».

Занятия продолжались в общей сложности двенадцать часов. И два часа отводилось на самоподготовку.

То была программа двухгодичного офицерского пехотного училища, которую будущим красным командирам предлагалось освоить за шесть месяцев. Сложность обучения состояла еще и в том, что курсантов то и дело направляли на боевые операции.

Возвращались не все.

Сто восемьдесят смертников

Аркадий умел и любил учиться. Этим он был обязан Галке. У Голикова был мощный аналитический и систематизирующий ум. А память моментально и навсегда впитывала сведения о минувших войнах, о счастливых и несчастливых судьбах полководцев, о прозе и технологии командирского ремесла.

На шестнадцатом году жизни судьба высоко возносила Аркадия уже второй раз. Голиков все отчетливее понимал, что Провидение разворачивает его в сторону семейной офицерской профессии. По линии матери, Натальи Аркадьевны Сальковой, все мужчины из поколения в поколение служили в российской армии.

Это понимание заставляло Аркадия дорожить каждой крупницей знаний, которые можно было получить на курсах. Двадцатого августа 1919 года пришел приказ о досрочном производстве курсантов в командиры. На следующее утро сто восемьдесят слушателей последний раз выстроились на плацу училища. В открытой машине стремительно подъехал нарком по военным и морским делам Украины Николай Ильич Подвойский. Обойдя строй, он вручил каждому выпускнику удостоверение с красной звездой на обложке. Аркадий раскрыл свое. В нем говорилось: «За время учебы тов. А.П. Голиков обнаружил отличные успехи и по своим качествам вполне заслуживает звания красного командира».

Но сто восемьдесят курсантов, которых полгода учили, в это утро посылали в прорыв рядовыми. Лишь несколько лучших получили командирские должности. Друг Аркадия, Яшка Оксюз, был назначен полуротным. Сам Аркадий – взводным командиром.

Все понимали: на плацу стоят смертники. Не было сомнения: они проявят стойкость. Но не было сомнения и в другом – через один или два дня их станет заметно меньше. Гайдар позднее вспоминал:

– Подвойский обратился к нам с речью: «Вы отправляетесь в тяжелые битвы. Многие из вас никогда не вернутся из грядущих боев. Так пусть же в память о тех, кто не вернется, кому предстоит великая честь умереть за Революцию, – тут он выхватил шашку, – оркестр сыграет «Похоронный марш»!

Оркестр начал играть... «Мурашки бежали по телу, – признавался Аркадий Петрович. – Никому из нас не хотелось умирать. Но этот похоронный марш как бы оторвал нас от страха, и никто уже не думал о смерти».

Не могу сказать, существовал ли в 1919 году в Японии отряд камикадзе – смертников. В первом поколении это были не летчики, а «люди-торпеды». Прежде чем заползти в свою «сигару» в ожидании приказа направить ее в борт вражеского корабля, люди-торпеды осушали ритуальную чашку рисовой водки. Обряд символизировал присутствие еще живых смертников на собственных поминках.

Знал ли о японском ритуале Подвойский, человек интеллигентный и начитанный? Или русский, сухопутный вариант ритуала Николай Ильич придумал сам?

С быстрым и живым своим воображением Голиков успел, пока играл оркестр, мысленно побывать в великом и загадочном пространстве, которое именуется «тот свет». Это короткое путешествие разума в потусторонний мир сожгло в Голикове страх смерти. Навсегда.

Отчаянная смелость

Вечер застал полуроту Якова Оксюза в Кожуховке, под Киевом. Разведка доложила: белых поблизости нет. После пешего марш-броска по августовской жаре все устали.

Оксюз, разведя часовых, приказал остальным отдохнуть. Ожидались тяжелые бои.

На рассвете ударил взрыв. Вспыхнула стрельба. Аркадий и Оксюз побежали в сторону церкви – перестрелка началась там. Их сопровождали товарищи, которые ночевали в соседних домах и сараях.

Внезапно Оксюз споткнулся и упал.

– Что с тобой? – наклонился над ним Аркадий. Он хотел помочь Яшке встать.

– Беги! – с трудом произнес Яшка.

Сукно старого френча, который Оксюз надел в дорогу, намокало над карманом.

Яшка был первым и единственным другом, которого Аркадий приобрел в армии. Они поклялись держаться вместе всю жизнь.

Бросить беспомощного Яшку в огороде Голиков не мог. Оглянулся, кому бы передать командира, и увидел, что товарищи, которые бежали за ним и Яшкой, тоже остановились. Яшкино ранение оборачивалось катастрофой. Кто-то из девяти десятков вчерашних курсантов с командирскими дипломами в карманах (все старше Аркадия) должен был взять командование на себя. Но никто не брал. Наоборот – все сгрудились вокруг раненого.

«Если я начну перевязывать Яшку – перебьют остальных!» – пронеслось в голове Аркадия.

Позвоночником чувствуя: уходят последние мгновения, которые могут спасти полуроту от гибели, Голиков крикнул:

– Вперед – за нашего Яшку! – И, не оглядываясь, побежал.

Товарищи бросились за ним.

Этот первый свой бой Голиков выиграл.

В декабре 1940 года Аркадий Петрович записал в дневнике: «Оксюз Яшка – убит при мне, я его заменил».

Похоронив Яшку, полурота собралась на митинг. Предстояло решить, кто заменит Оксюза. Кандидатура была одна: «Хлопцы! Кто за Аркашку?»

Командирская полурота выбрала самого младшего. Было Голикову в ту пору пятнадцать лет и семь месяцев.

Через несколько дней его назначили командиром все той же роты. Только в ней уже осталось меньше ста человек.

Смертник, который выжил дважды

Про лето 1919 года, когда Голикову доверили командование ротой, Аркадий Петрович написал потом рассказ «Первая смерть».

«Командир роты, – сказал, подъехав, помощник командира полка, – бой близок, а люди голодны. Идите в тыл, в штаб, и скажите: я приказал прислать консервов».

Голиков повернулся и пошел. Тропка изгибалась между кустов. Он направлялся к своим и потому был спокоен. Когда сзади послышался лошадиный топот, не повернул даже головы, а просто сделал полшага в сторону, чтобы пропустить кавалеристов.

Но топот резко оборвался. Горячее лошадиное дыхание опалило Голикову шею. На своем затылке он ощутил холодное прикосновение винтовочного дула.

«Негодую на дураков-кавалеристов, – вспоминал позднее Аркадий Петрович, – я осторожно, иначе бы мне разбили череп, поворотил голову – и умер в ту же минуту, потому что увидел вместо наших кавалеристов два ярко-красных мундира и синие суконные шаровары, каких ни бригада, ни красноармейцы никогда не носили».

«Кончено, – мелькнула тысящесекундная мысль, – как это ни больно, как ни тяжело, а все равно кончено». И, побледнев, я пошатнулся с тем, чтобы по железному закону логики спусковой крючок приставленной к затылку винтовки грохнул взрывом.

– Наш! – коротко крикнул один.

Шпоры в бока, нагайка по крупу, и опять никого и ничего. Посмотрел вокруг, сделал машинально несколько шагов вперед и сел на срубленный пенек. Все было так дико и так нелепо. Ибо вопрос был кончен: позади – петлюровцы. И опыт войны, и здравый смысл, и все-все говорило за то, что я обязательно должен был быть мертв.

...Далеко на левом фланге отбивалась бригада красных мадьяр. Бригада была разбита, и двое мадьяр прискакали сообщить об этом в штаб нашего полка».

В декабре все того же очень длинного и переполненного событиями 1919 года Голиков «взрывом шрапнельного снаряда» был «контужен в голову и ранен в ногу».

Эта не очень сильная контузия и не столь уж опасное ранение вскоре обернулись катастрофой для здоровья и для командирской судьбы Голикова.

Тихий, опасный Кавказский фронт

На Кавказе в 1920 году Голиков снова командовал ротой. В одном негромком бою на Тубском перевале под ним убило коня.

Потом Голикову с бойцами доверили охранять узкий, очень важный проход в горах – Тубский перевал. Располагался он на большой высоте. Подходы к нему были трудны и к тому же простреливались.

Когда готовилось восхождение к перевалу, бойцы знали, что все нужное придется нести на себе. Старались набрать побольше патронов, гранат, консервов и крупы. Одежду взяли самую необходимую – ведь в низине стояла изнуряющая жара. А на высоте вдруг наступила зима.

В донесении с высоких гор сообщалось: «На перевале... снег. У многих красноармейцев нет порядочной обуви и совершенно нет шинелей (!!!)... Продуктов (тоже. – Б.К.) совершенно нет. Соли совершенно нет...». Доставка продовольствия в горы была затруднена. Однако главным врагом оказался холод. По ночам дул пронизывающий ветер. Бойцы не имели одеял. В горах было трудно добывать дрова. В лучшем случае дров хватало, чтобы сварить кашу без соли...

Что придумал Голиков, чтобы не заболеть самому, как он позаботился о бойцах, сведений нет. Возможно, отыскал пещеры, каким-то образом утеплили палатки. С большой долей вероятности можно сказать, что он посылал бойцов собирать в горах каштаны и орехи. Но внизу, в долине, про Голикова и его бойцов по несколько дней не было ничего известно.

Каково же было потрясение всех, когда Аркадий Петрович с другими «горцами» спустились вниз. Все были заросшими, в прожженных одеждах. Некоторые бойцы намотали на себя невесть откуда взявшиеся тряпки. Но в отряде не оказалось обмороженных и раненных. Голиков не потерял ни одного человека.

Когда Аркадий Петрович вернулся в долину, он узнал о том, что из Москвы пришла разрядка: одного наиболее способного командира требовалось направить в Москву для учебы в Высшей стрелковой школе. В запросе перечислялся целый ряд качеств, которыми должен был обладать будущий курсант. Начальство ответило: «Таким требованиям отвечает только один человек – Аркадий Голиков».

Из младших командиров – в полковники

Аркадий Голиков прибыл в школу «Выстрел», чтобы поступить на самое младшее отделение – для подготовки квалифицированных командиров рот. Назначению соответствовали последняя занимаемая должность и возраст курсанта – шестнадцать лет.

Тогдашнее военное звание «командир роты» приблизительно соответствовало теперешнему званию «лейтенант» или «старший лейтенант».

Но не прошло и месяца, как стало очевидно: на этом курсе Аркадию Петровичу делать нечего – он знает и умеет много больше остальных. Обучение на Киевских командных курсах не прошло даром. Он многое узнал и многому научился.

Голикова переводят на отделение командиров батальонов. По нынешнему табелю о рангах должность соответствует званию «капитан».

Проходит еще месяц. Снова собирается мандатная комиссия школы. Среди других вопросов весьма необычный: о новом переводе А.П. Голикова – из отделения командиров батальонов на отделение командиров полков. Сенсационное предложение было одобрено.

На самом старшем курсе (как мы сказали бы теперь) вместе с Аркадием Голиковым проходили обучение люди, которые были значительно взрослее, чем он. Некоторые были участниками Мировой войны. Кое-что о нем прослышав, старшие товарищи отнеслись к шестнадцатилетнему однокурснику тепло и дружелюбно. Тем более, что на тактических занятиях он быстрее остальных предлагал грамотные, а часто и неожиданные решения.

Двадцать второго января 1921 года Голикову исполнилось семнадцать лет. А две недели спустя ему был вручен мандат об окончании «тактического отделения» с правом на должность командира полка. В старом табеле о рангах она соответствовала званию полковника. И «Выстрел» оказался вторым учебным заведением, которое Голиков успел закончить. Оставалось третье, последнее, где он мог бы еще продолжить образование: Академия Генерального штаба.

Мало того, выпускник «Выстрела» Аркадий Голиков оказался в группе лучших курсантов, которые получили диплом досрочно и сразу поступили «в распоряжение Центрального Комитета РКП(б)». Даже для малознакомых людей Аркадий Голиков был человеком высокой общей культуры и больших профессиональных способностей.

В ответе за четыре тысячи бойцов

Его послали в Воронеж. Должность – командир полка. Голиков (в семнадцать лет!) не был лишен честолюбия.

Но такой стремительный взлет встревожил даже его. «Пишу тебе из Воронежа, – сообщал он отцу... – сейчас сижу и размышляю над работой, которая предстоит с завтрашнего дня мне, вступающему в командование 23-м запасным полком, насчитывающим около 4000 штыков... при первой же возможности постараюсь взять немного ниже – помощник командира полка или же полк полевой стрелковой дивизии не такого количества...».

Голикова прислали на эту должность после того, как был арестован весь начальствующий состав во главе с командиром полка. Бывшее руководство планировало переметнуться со всеми бойцами на сторону Александра Антонова, который поднял мятеж против советской власти.

Начал Голиков с хозяйственных вопросов и налаживания дисциплины. Он обошел посты. Охрана полка его не устроила. Он отправил на гауптвахту часового, который оставил винтовку, а сам ушел по своим делам. Специальным приказом Голиков объявил выговор начальнику караула, а в середине дня направился в расположение одного из батальонов. Был обед.

Бойцы сидели за столами в своих спальнях, вяло, без аппетита доедая суп. А в коридоре, заметил Голиков, стояли помойные ведра. Зачем? К чему их так много?

Из спальни вышел боец лет двадцати, наголо стриженный, и привычно вылил в ведро из жестяной глубокой миски суп. Голикова передернуло. Он не мог видеть, если выбрасывали хлеб или иную пищу. В детстве отец много рассказывал, как он голодал. А после его отъезда на войну голод пришел и в семью Голиковых. Цена миски супа и куска хлеба не стала для Аркадия Петровича меньше, когда он сделался командиром. Наоборот, ему приходилось думать, чем накормить бойцов, служба которых была тяжелой и опасной.

– Вы почему выливаете суп?! – рванулся к бойцу Голиков.

– А вы его покушайте сами, – сгоряча ответил боец.

– Покажите, где у вас тут кухня, – попросил Голиков. Красноармеец повел его по лестнице вниз. Здесь Аркадия Петровича нагнал командир батальона. Судя по огорченному лицу, он был уже в курсе возникшего скандала.

– Командир батальона Маркелов, – представился он. Оказалось, что поваром в батальоне служил плотник.

А умелого повара собираются отдать под суд за два или три фунта украденных гвоздей. Первым порывом Голикова было простить повару его проступок и вернуть на кухню. Но через минуты он понял, что так делать нельзя. Это станет дурным примером.

Комполка тут же написал приказ: плотника из кухни убрать, а на его место найти умелого повара.

На другой день выяснилось, что назначение плотника на должность повара не было случайностью. Арестованное командование полка создавало таким образом недовольство красноармейцев, готовя их к переходу на сторону мятежников.

В этой связи сильное подозрение Голикова вызвало появление заразных больных в полку.

Посещение холерного барака **(Из книги «Мальчишка-командир»)²**

...Уже темнело, когда Аркадий Петрович в сопровождении комиссара полка Берзина подошел к трем бревенчатым строениям, огороженным колючей проволокой. У калитки с ноги на ногу переминался часовой.

– Что здесь? – спросил Голиков.

– Лазарет.

– Пропустите, – попросил Голиков часового.

– Не могу. Дохтур не велел, – ответил часовой, загораживая дорогу.

– Это командир полка, – сказал комиссар.

– Ничего не знаю. Мой командир – дохтур. Вызвать дохтура? – И он дернул веревку.

Из дверей главного строения выбежал седеющий человек в шапочке и накрахмаленном халате. Он распахнул калитку и вопросительно взглянул на посетителей сквозь стекла очков в золотой оправе.

– Главный врач полка доктор Де-Ноткин, – отрекомендовал его комиссар. – А это, доктор, наш новый командир полка.

Голиков протянул руку. Де-Ноткин проворно спрятал свою за спину.

Простите, осматривал больного.

– Что за больные?

– В двух корпусах – сыпняк. В третьем – холера. Сегодня доставили пятый случай.

– Я хочу проведать больных, – сказал Голиков.

– Не советую, – ответил Де-Ноткин.

– Сыпняком, доктор, я болел.

– Бывает и возвратный тиф.

– Товарищ Де-Ноткин, это приказ! – теряя терпение, произнес Голиков.

В кабинете Де-Ноткина, маленьком и тесном, Аркадий Петрович снял шинель и папаху, облачился в халат и шапочку и следом за доктором направился в палату.

Здесь было чисто: пол вымыт, на окнах занавески, свежее белье на постелях, но в ноздри ударила тяжелый запах. Помещение давно не проветривалась.

– Доктор, почему такой тяжелый воздух?

– Мы проветриваем раз в день со скандалами. Больные, все больше из крестьян, боятся свежего воздуха. Дома у них окна никогда не открываются – ни зимой, ни летом.

– Понятно. Повесьте на стене объявление: «По приказу командира полка, для скорейшего выздоровления больных палата должна проветриваться каждые три часа».

– Много в полку сыпняка? – спросил Голиков у врача.

– Много. Тут и новобранцы – прихватывают из дома, заражаются в поездках. А то и на месте. В казармах грязь. А еще – иные командиры гимнастерки и рубашки в дезинфекционную камеру сдают, а шинели и шапки нет: лень возиться...

– Понятно. А теперь, пожалуйста, проводите меня в холерный барак. И, уловив протестующее движение Де-Ноткина, добавил: – Это, доктор, тоже приказ.

Во флигеле, где находились холерные больные, пять коек были заняты, а три оставались свободны. Когда Голиков с Де-Ноткиным вошли в помещение, громадного роста санитар в белейшем халате сразу увел врача в маленькую служебную комнатку. Голиков остался один.

² Камов Борис. Мальчишка-командир: Повесть. – М.: Детская литература, 1987. – С. 217.

Он вспомнил: мама однажды принесла домой известную книгу В.В. Вересаева «Записки врача». Вересаев в ней рассказывал, как начинал свою врачебную деятельность, почти сразу попав на эпидемию холеры. В инфекционные бараки к нему приходили добровольцы, желающие помогать. Они тоже рисковали подхватить холеру, что нередко и случалось. Аркадий тогда думал: «Я бы так не смог...».

И вот он стоял посреди холерной палаты.

Четверо больных спали, а пятый, с широкой крестьянской бородой на крупном квадратном лице, приоткрыв веки, наблюдал за редким в этом бараке гостем.

Тут один из дремавших, с обескровленным лицом и шрамом поперек щеки, зашевелился, поморщился и произнес:

– Печет, ох, печет под сердцем... Пить!

Бородатый встрепенулся, но его порыва хватило лишь на то, чтобы оторвать от подушки голову, и он обессиленно плюхнулся обратно.

– Слышь, парнишка, – странным, сухим голосом произнес бородатый, – подай ему водички, Христа ради, вишь, я еще не могу.

Первым побуждением Голикова было выбежать в сени и позвать санитаров, но он устыдился невольной робости, взял с тумбочки медную кружку с кипяченой, еще теплой водой, приподнял голову больного со шрамом и коснулся кружкой его свинцово-серых губ. Больной принялся пить с такой жадностью, будто провел неделю под палящим солнцем в пустыне. Выпив до капли, утомленно откинулся, глубоко, с облегчением задышал.

Внезапно глаза его начали закатываться, серое лицо посинело, больной стал давиться и сел. Голиков вспомнил: в госпитале, где он лежал, за несколько мгновений до смерти вскакивали, иногда спрыгивали на пол умирающие. Он испугался, что и этот больной сейчас умрет, и почувствовал себя виноватым: быть может, не нужно было давать ему воду? По крайней мере, столько?

– Это его тошнит, – пояснил бородатый. – Бадейка под койкой.

У комполка отлегло от души: значит, человек этот сию минуту не умрет и он, Голиков, ни в чем не виноват. Но мысль, что надо прикоснуться рукой к бадье, вызвала спазм у него самого. Аркадий Петрович справился с собственной надвигающейся тошнотой, быстро вынул из кармана белоснежный платок, обмотал им руку и взялся за грязную дужку... В этот момент вошел Де-Ноткин.

– Товарищ Голиков, что вы делаете? Немедленно уходите отсюда! – сердито произнес он. – Здесь команду я. В сенях рукомойник и сулема. А ты, Селедкин, – повернулся доктор к бородатому, – чем просить командира полка, позвал бы санитаров.

– Дак я и думал, что это новый санитар...

– Устин! – позвал доктор.

Из сеней навстречу Голикову выбежал давешний богатырь – лет сорока, с нездоровым, в оспинах лицом, на котором было виноватое выражение.

– Тут я, тут!

Но он не успел добежать – того, со шрамами, вырвало. Голиков поспешил в сени. «Все-таки надо было мне позвать санитаров, а не лезть самому», – отругал он себя.

В сенях Аркадий Петрович отыскал большой рукомойник и другой, поменьше, с надписью «Сулема». Набрав в ладони резко пахнущей жидкости, Аркадий Петрович стал тщательно обтирать ею руки. В носу и горле от этого запаха остро закололо, но он продолжал тереть ладони, помня, что брался за бадейку, пусть и через платок.

Несколько минут спустя, когда Де-Ноткин вывел его из барака, Голиков сказал:

– Я хотел бы знать, откуда в полку холера.

– История темная, – ответил доктор. – Холера в этих местах вообще-то была. Возбудитель в воде и земле живет долго, но эти пятеро из одного взвода. Их отпустили в город. Они напились на базаре квасу, торговала какая-то баба.

– Холера только у нас?

– В городе еще три случая. Их происхождение выяснить не удалось. Этим сейчас занимается ЧК. Вероятна и случайность – плохо помытая посуда, но я не исключаю и злого умысла. Мне показывали в ЧК французскую газету. В ней генерал-медик, мой давний сослуживец, заявил журналистам, что в «нынешней войне все средства дозволены». Я вполне допускаю: раз уже применялись ядовитые газы, то и за спиной этой бабы с квасом могли стоять весьма образованные в микробиологии люди. Посему быю вам челом – примите самые решительные меры к улучшению санитарного состояния полка.

Де-Ноткин проводил Голикова до калитки и вернулся в барак. На улице командира дожидался комиссар Берзин.

– Зачем вы пошли в холерный барак? Доктор бы вам и так все объяснил, – упрекнул Берзин. Он чувствовал себя неловко, что стоял за воротами, пока новый командир навещал больных. – Вы могли заразиться.

– Де-Ноткин здесь бывает каждый день?

– У него такая работа – он врач.

– У меня тоже – я командир.

К концу дня во всех подразделениях знали, что Голиков посетил бараки для заразных больных и помогал санитарам.

– Холера очень прилипчивая, – говорили вечером красноармейцы, – хуже болезни нету. А наш новый комполка, вишь, не побоялся.

– В Наполеоны метит, – иронизировали командиры из числа бывших офицеров. – Во время африканского похода.

Бонапарт навестил солдат, больных чумой. Вручал им кресты, дарил деньги, жал руки.

– Наш руки не жал, он только подавал бадейки.

Все же большинство сошлось на том, что поступок Голикова заслуживает уважения.

Аркадий Голиков – ученик Наполеона Бонапарт

Военная история Европы гордится одним эпизодом. В конце XVIII века Наполеон Бонапарт захватил Египет. Климат оказался для французов тяжелым. Много солдат болело и даже умирало. Это угнетало дух здоровых. Тогда Наполеон, великий полководец и не меньшего масштаба мистификатор, задумал резко поднять настроение в армии. Для этого Наполеон решил посетить госпиталь, но не тот, где солдаты лечились от ран, – Бонапарт потребовал отвезти его к заразным больным. Самая большая аптекарня находилась в Яффе. По одной версии, туда свозили солдат, которые заразились чумой. По другой – это была не чума, а только холера, заболевание менее прилипчивое. Оно передавалось при личном общении с больным или от прикосновения к предметам, которыми он пользовался. При тогдашнем уровне медицины почти все пациенты были обречены.

Выжить, в лучшем случае, имели шанс единицы.

И вот в просторном, хорошо продуваемом здании, где находились обреченные, появился Наполеон. Свита осталась у входа будто бы для того, чтобы не мешать императору в его великой миссии. А Наполеон двинулся вдоль рядов пострадавших. Желая их приободрить, что, по его расчетам, могло бы способствовать выздоровлению, Наполеон не просто медленно шел мимо каждого, а часто ненадолго останавливался. Император и великий полководец, он о чем-то солдат спрашивал, кому-то жал руки, а некоторым вручал кресты – ордена Почетного легиона, высшую награду Франции до сих пор.

У Наполеона было много личных достоинств: быстрый изощренный ум, громадная сила воли, закаленный организм. Беседуя с сотнями заразных больных, касаясь их, прикрепляя к их одежде кресты, вручая золотые монеты, сам он не заразился. Не знаю, много ли обреченных солдат после посещения Наполеона выздоровело. Не исключаю, что такие нашлись. Но факт посещения императором госпиталя в Яффе долгие годы оставался в Европе сенсационным событием.

Что касается самого Наполеона, то, возбужденный своим бесстрашием, возвратясь в Париж, он распорядился создать панно, больших размеров картину, посвященную этому событию. Громадное полотно «Бонапарт посещает чумной барак в Яффе 11 марта 1799 года» создал художник Антуан-Жан Гро. Картина теперь хранится в главном музее Европы – в Лувре.

Командир полка Аркадий Голиков, тоже возбужденный посещением заразных больных и беседой с доктором Де-Ноткиным, отдал свои распоряжения. Они были такими:

- о сверхобязательном и немедленном мытье в бане всех бойцов и командиров полка;
- о способах проварки и прожаривания обмундирования красноармейцев для истребления в одежде вшей;
- о строительстве новых, чистых, относительно комфортных полковых уборных в расчете на 4000 бойцов, дабы «уменьшить риск распространения холеры в результате прямого контакта бойцов с зараженными каловыми массами в старых, занавоженных сортирах...».

Завершал череду санитарных проверок обобщенный приказ: «Ввиду появившихся случаев холеры предлагаю под личную ответственность командиров, комиссаров, старшего врача... принять решительные меры... Там, где будут обнаружены дефекты, виновные будут преданы суду военно-полевого трибунала. Комполка А. Голиков».

Военно-полевой трибунал выносил по преимуществу смертные приговоры.

Сооружение нового сортира на 4000 посещений в день спасло от болезни и смерти многих красноармейцев.

Великий подвиг, который остался неизвестным

История тамбовского бунта

В апреле 1921 года Аркадия Голикова направили к новому месту службы – в Тамбов. Здесь, в центре России, шла самая жестокая схватка за всю историю Гражданской войны. Ее спровоцировала советская власть своим бесчеловечным отношением к кормильцу – крестьянину.

Большевики во главе с Владимиром Лениным, готовясь свергнуть Временное правительство, пообещали крестьянам: если земледельцы их поддержат, новая власть отберет землю у помещиков и отдаст сельским производителям. Крестьяне поверили и поддержали. Большевики отдали им землю, но вскоре объявили военный коммунизм.

На практике это означало, что продовольственные отряды могут взять у любого крестьянина любое количество съестных припасов, ничего за них не платя. Земледельцы готовы были мириться и с этим, надеясь: вот закончится война и наступит порядок. Однако на Тамбовщине разорительные поборы, грозящие голодом, приобрели вдобавок издевательский характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.